

Глава 3

ЛЕНИН: “ПОД ВИДОМ “ЗЕЛЕННЫХ” (МЫ ПОТОМ НА НИХ И СВАЛИМ) ПРОЙДЕМ НА 10-20 ВЕРСТ И ПЕРЕВЕЩАЕМ КУЛАКОВ, ПОПОВ, ПОМЕЩИКОВ. ПРЕМИЯ — 100000 РУБ. ЗА ПОВЕШЕННОГО”

Только держа в руках факсимильные копии записок Ленина, направленных в середине августа 1920 года заместителю председателя Реввоенсовета РСФСР Э.Склянскому, которые хранятся в ленинском “секретном” фонде и официально на момент издания моей книги не опубликованы, я уверовал, что их давно обнародованные за рубежом тексты из архива Троцкого — не фальшивка.

А ведь подлогов и в наши дни хватает. В тех же республиках Прибалтики на рубеже 80-90-х годов широко публиковалось письмо Ленина одному из своих давних знакомых в Цюрихе от 10 июня 1921 г. В письме выражалась готовность большевиков к уступкам, к компромиссам, к соглашению с “социалистической частью эмиграции”, которая выступала против Советской власти. Но сам вождь назвал это письмо, впервые опубликованное 25 августа 1921 г. в бельгийской газете “Суар”, подлогом!

Думаю, что фальшивкой является и кочующее в наши дни из статьи в статью якобы принадлежащее Ленину высказывание: “Пусть 90% русского народа погибнет, лишь бы 10% дожило до мировой революции”. Слова эти в качестве выдержки из речи Ленина (без указания, какой именно), впервые были опубликованы в качестве эпиграфа к книге А.Терне “В царстве Ленина”, написанной еще в конце

1921 года. Никаких доказательств принадлежности этих слов вождю не имеется.

А здесь — две записки, настроенные столь знакомым мелким ленинским почерком. Чтобы у читателя не было никаких сомнений в их подлинности — приводим одну из них в факсимильном варианте на обложке этой книги.

Первая из них:

1) Недостаточно послать дипломатический протест.

2) Даже лучше **отсрочить** его, чтобы попытаться лучше **поймать** Латвию и Эстляндию.

3) Сугубые меры принять, дабы их поймать с поличным (т.е. собрать больше и более доказательных улик).

4) Принять военные меры, т.е. постараться наказать Латвию и Эстляндию **военным образом** (например, “на плечах” Балаховича перейти где-либо границу на 1 версту и повесить там 100 — 1000 их чиновников и богачей)”. (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.2, д.447).

И вторая записка:

“Прекрасный план. Доканчивайте его **вместе** с Дзержинским. Под видом “зеленых” (мы потом на них и свалим) пройдем на 10 — 20 верст и перевешаем кулаков, попов, помещиков. Премия 100000 руб. за повешенного”. (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.2, д.380).

Картина представляется омерзительной — к ничему не понимающим обывателям ночью врываются наемники, вздергивают их на веревках. Тексты эти требуют комментариев. Уже после заключения мирных договоров с Эстонией и Латвией глава советского правительства узнает, что на территории этих только образовавшихся государств, кажется, идет запись добровольцев в отряды, борющиеся с Советской Россией. По дипломатической линии были выражены протесты, со стороны эстонского и латвийского правительств последовали опровержения, но это вождю показалось мало. И он дает указания, тем более сенсационные, что до нэпа и, соответственно, “временности платности”, как писал впоследствии Ленин, было еще далеко. Не следует ли считать именно введение премиальных выплат за каждого повешенного началом отхода Ленина от уравниловки периода военного коммунизма?

Но можно ли, даже с точки зрения вождя, наладить достаточный “учет и контроль” при выдаче премий за каждого

9
Крепкий вам! Докажи же
он везде с верными.
Под видом "зеленых" (кто не
на них и свалил) пройдем на 10-20
верст и переведем кулаков, попов,
и т.д. Кремль: 100.000 р. за ивек.

повешенного, быть уверенным, что им окажется непременно "чиновник" или "богач", а не другой мирный житель попавший на глаза жаждущим вознаграждения наемникам! Да и кто такой в тех условиях в сельской местности "богач" или "чиновник"? Врач, учитель, почтовый служащий? И как врываясь ночью в дом и вешая отца семейства, можно определить — кулак это или середняк?

Акция эта не выглядела "устрашением" — ведь планировалась дезинформация, все "свалить" на "зеленых".

Крупская оправдывала своего супруга: "Изучая самым внимательным образом опыт Парижской коммуны, этого первого пролетарского государства в мире, Ильич отмечал как пагубно отразилась на судьбе Парижской коммуны мягкость, с которой рабочие массы и рабочее правительство относились к заведомым врагам. И потому, говоря о борьбе с врагами, Ильич всегда, что называется, "закручивал", боясь излишней мягкости масс и своей собственной".

И Горький как-будто бы не находил ответа на вопрос: "Какою мерою измерите вы количество необходимых и лишних ударов в драке?" Его не шокировала ленинская установка: "Сегодня гладить по головке никого нельзя — руку откусят, и надобно бить по головам, бить безжалостно, хотя мы, в идеале, против всякого насилия над людьми". Впрочем, Ленину не всегда удавалось провести в жизни безжалостный террор, о чем свидетельствовал Троцкий: "... Ленин был мрачно настроен. "Русский человек добер", "русский человек рохля, тютя", "у нас каша, а не диктатура".

И все-таки нельзя, с моей точки зрения, ограничиваться постулатом, что Ленин был просто очень жестоким человеком и политиком. Ряд документов, и не только документов из “секретного” фонда, невольно наталкивает на мысль — жестокость эта переходила порою определенную грань и принимала патологический характер. Ленин часто “впадал в бешенство” — то ли по отношению к российской буржуазии, то ли к немецкому философу Р.Авенариусу, умершему еще в XIX веке.

На мой взгляд, следует признать, что, будучи талантливейшим политиком, исключительно одаренным человеком, Ленин время от времени приходил в состояние невменяемости.

Периоды невменяемости вождя описывали те близко знавшие его люди, которые впоследствии оказались в эмиграции и имели возможность там опубликовать воспоминания. Например, Б.Николаевский, который писал Н.Валентинову, что в последний период своей деятельности Ленин “далеко уже не был нормальным”. Близко знавший Ленина Г.Соломон, автор изданной в Париже в 1931 году книги “Ленин и его семья (Ульяновы)” (в 1992 году переизданной в Москве), воспроизводит разговор с ним вождя вскоре после октябрьского переворота: “... я буду беспощаден ко всему, что пахнет контрреволюцией!.. И против контрреволюционеров, кто бы они ни были (ясно подчеркнул он), у меня имеется товарищ Урицкий!.. ха-ха-ха, вы, вероятно, его знаете!.. Не советую вам познакомиться с ним!..”

И глаза его озарились злобным, фанатически-злобным огоньком. В словах его, взгляде я почувствовал и прочел явную неприкрытую угрозу полупомешанного человека... Какое-то безумие тлело в нем.” Г.Соломон пишет, что шури Ленин Марк Елизаров первым “забросил” в него “идею ненормальности Ленина”.

Н.Валентинов, в начале века пребывавший в ближайшем окружении вождя, автор трех недавно изданных у нас интереснейших книг “Мои встречи с Лениным”, “Ранние годы Ленина” и “Малознакомый Ленин” (кстати, негативно оценивавший воспоминания Г.Соломона), свидетельствовал, что близкий соратник Ленина в годы первой русской революции А.Богданов за год до трагической гибели (заразился во время эксперимента с переливанием своей крови) говорил ему: “Наблюдая в течение нескольких лет некоторые реакции Ленина, я как

врач пришел к убеждению, что у Ленина бывали иногда психические состояния с явными признаками ненормальности”.

Мне кажется, что именно в таких “состояниях” писал вождь многие свои приказы, указания, записки, большинство из которых хранится ныне в “секретном” фонде, хотя некоторые и вошли в собрания сочинений.

Отметим, что, начиная с 1922 года, большинство лечащих врачей Ленина, как германских, так и отечественных, были невропатологами или психиатрами.

Еще 21 марта 1922 г. Фотиева приняла из Горок телефонограмму, которая ниже впервые публикуется. На документе пометка: “Копия послана Молотову”.

“Товарищу Горбунову.

Прошу Вас внести в секретариат ЦК через Молотова следующее предложение и известить о том, принято ли оно: Ввиду выезда Крестинского 18/III в Москву с немецкими специалистами по нервным болезням для осмотра группы крупных работников — предложить секретариату ЦК поручить тому врачу, который состоит для проверки ответственных работников (а если такового врача нет вопреки многочисленным постановлениям ЦК, то надо назначить на это непременно особого врача, поручить составить список товарищей, подлежащих осмотру, и принять все меры для того, чтобы они были своевременно приедем врачом осмотрены с опросом если это надобно тех русских врачей, которые до сих пор этих товарищей лечили). В список этот очевидно должны будут войти гг. Чичерин, Осинский, Троцкий, Каменев, Сталин, Брюханов и несомненно целый ряд других. Ленин.” (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.22960).

Характерно, что в Биографической хронике жизни и деятельности Ленина пересказано содержание письма, хотя и утаено, что речь идет о “специалистах по нервным болезням”.

Тот факт, что список подлежащих обследованию открывает Чичерин — вряд ли случаен. Вождь считал “сумасшествием” некоторые предложения наркома иностранных дел, хотя никаких нервных срывов и психических аномалий не было в намерениях Чичерина хоть немного демократизировать Советскую систему.

В письме Молотову для членов политбюро ЦК РКП(б) 24 января 1922 г. Ленин негодовал, что нарком “ставит вопрос о том, не следует ли за приличную компенсацию со-

гласиться на маленькие изменения нашей Конституции, именно представительство паразитических элементов в Советах. Сделать это в угоду американцам.

Это предложение Чичерина показывает, по-моему, что его надо 1) немедленно отправить в санаторий, всякое попустительство в этом отношении, допущение отсрочки и т.п. будет, по моему мнению, величайшей угрозой для всех переговоров...” (54; 136).

А еще за неделю до этого письма по тому же адресату вождь настаивал: “Бумажки Чичерина доказывают, что он болен. Надо срочно запросить лучших врачей...” (54; 118).

Главным лечащим врачом Ленина был германский невропатолог О.Ферстер, получавший огромные гонорары за лечение вождя. Недавно опубликовано письмо И.Сталина полпреду РСФСР в Берлине Н.Крестинскому от 3 июня 1922 г., т.е. вскоре после первого тяжелого приступа Ленина. В нем, в частности, указано: “Немедля выдать Ферстеру пять тысяч фунтов стерлингов (50000 руб.), как плату за оказанную услугу...” Объяснимо, почему даже в самый голодный период в стране денег для лечения вождя не жалели, ведь награблены были фантастические суммы “конфиската” (был такой термин). Но почему соответствующие документы скрываются по сей день в Архиве Президента?

Вот публикации некоторых из них Волкогоновым. Крестинский писал Сталину, Троцкому и Молотову: “Ферстер получил уже у нас два раза хороший гонорар; он не сомневается, конечно, что и эти три поездки будут хорошо оплачены...”

А вот выдержки из отчета советского полпредства в Германии: “2. Согласно запискам гг. Карахана и Сталина от 3.6.22 г. выдано профессору Ферстеру 5000 фунтов (первая поездка). 3. По постановлению ЦК согласно телеграмме от 20.9.22 г. выдано профессору Ферстеру 2500 фунтов (вторая поездка)”. И на следующий год: “Согласно записке тов. Карахана от 30.4.23 г. выдано проф. Ферстеру 4400 фунтов стерлингов...” По этой же записке германскому психиатру профессору О.Бумке было выдано 19500 долларов, а за месяц до этого — еще 9500 долларов. 9500 долларов было выдано невропатологу и терапевту из Германии А.Штрюмпелю.

Здесь же бумаги, разрешающие выдать профессору С.Геншену 25000 шведских крон. Приезжавший на один из много-

численных консилиумов у постели вождя шведский невропатолог С. Геншен взял с собой сына Фольке, который впоследствии опубликовал воспоминания: “Когда определилось время нашего отъезда, появился представитель наркомата финансов и поинтересовался, какие гонорары мы хотели бы получить. После короткого обмена мнениями было решено, что каждый получит по 25 тысяч золотых марок. Представитель ушел, но вскоре вернулся и сказал, что европейские медики должны получить больше. Тогда решили просить по 30 тысяч марок. Эти суммы были выплачены. Как их использовали, я не очень-то знаю. Известно только, что Бумке сразу купил своей жене Гехеймрат очень дорогую соболью шубу”.

А еще вождя лечили такие специалисты “по нервным болезням”, как В. Бехтерев и Л. Даркшевич, С. Доброгаев и А. Кожевников, В. Крамер и М. Кроль, М. Нонне и В. Осипов, наиболее известный российский невропатолог Г. Россолимо.

Отношение больного Ленина к врачам зависело во многом от того, насколько строги те были в запретах на его деятельность. И здесь от вождя досталось прежде всего столь высокочтимым им немцам. Так, 7 июля 1922 г. Ленин направляет Сталину письмо, в котором резонно обосновывает, насколько вредны для его здоровья запреты на беседы по политическим вопросам.

Вот отрывок из этого никогда не публиковавшегося письма: *“Только дураки могут тут валить на политические разговоры. Если я когда волнуюсь, то из-за отсутствия своевременных и компетентных разговоров. Надеюсь, Вы поймете это, и дурака немецкого профессора и К° отошьете”*. (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.25995).

Ровно неделю спустя Владимир Ильич вновь пишет Сталину для членов политбюро ЦК РКП(б): *“Покорнейшая просьба освободить меня от Клемперера (германский терапевт — А.Л.). Чрезвычайная заботливость и осторожность может вывести человека из себя и довести до беды. Если нельзя иначе, я согласен послать его в научную командировку. Убедительно прошу избавить меня от Ферстера. Своими врачами Крамером и Кожевниковым я доволен сверх избытка. Русские люди вынести немецкую аккуратность не в состоянии, а в консультировании Ферстер и Клемперер участвовали достаточно”*.

В ответном письме Сталин сообщил по поручению политбюро ЦК РКП(б), что российские врачи согласились с отъездом Клемперера, но единогласно “признали полезность участия Ферстера в общем наблюдении за ходом Вашего выздоровления. Кроме того, политические соображения делают крайне полезными подписи известных иностранных авторитетов под бюллетенем, ввиду сугубого вранья за границей”. И приписка: “Р. С. Крепко жму руку. И все-таки русские одолеют немцев. Сталин”.

Но Ленин, надеясь на смягчение своего “больничного режима” советскими врачами, продолжал настаивать в продиктованном Крупской письме к Сталину: “Если Вы уже оставили здесь Клемперера, то советую, по крайней мере 1) выслать его не позже пятницы или субботы из России, вместе с Ферстером, 2) поручить Рамонову вместе с Левиным и другими использовать этих немецких врачей и учредить за этим надзор. 20/VI. Ленин”. (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.25993).

Сталин направил членам политбюро ЦК РКП(б) это ленинское письмо для голосования, и написанные на нем мнения руководителей партии доказывают, что к Ленину они относились уже не особенно серьезно:

“По тону записка весьма убедительна, ибо свидетельствует о “бдительности”, но согласиться на эти предложения, конечно, нельзя. Троцкий”. “Немцев оставить, Ильичу — для утешения — сообщить, что намечен новый осмотр всех 80 товарищей, ранее осмотренных немцами, и ряда больных товарищей сверх того. Г.Зиновьев.”. “Согласен с Зиновьевым. М.Томский”. “Правильно. Л.Каменев”. “Согласен. И.Сталин”.

Известно, что для “утешения” Ленина высшие советские руководители обсуждали вопрос об издании газеты “Правда” в единственном экземпляре.

Состояние вождя в последние два года жизни вызывает чувства сострадания, жалости.

Наконец опубликованы, хотя и не полностью, дневники дежурных врачей Ленина в 1922-1923 годы. Историю болезни вождя сначала вел невролог А.Кожевников, затем невропатолог В.Крамер и, наконец, психиатр В.Осипов. Наряду с недавно опубликованными воспоминаниями Н.Крупской и М.Ульяновой о жизни Ленина в период его болезни эти дневники раскрывают гнетущую картину системы руководства страной в последние годы жизни вождя.

В “секретном” ленинском фонде хранится тетрадка в два десятка страниц с простейшими упражнениями на уровне семилетнего ребенка. Летом 1922 года вождь пытался решить задаваемые Крупской простейшие задачки. (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.2, д.1343).

Например, 28 мая 1922 г. Крамер писал о состоянии вождя: “Читает свободно, но усвоить смысл прочитанного не может”. А в последующие месяцы глава государства принимал важнейшие решения — кого выслать за границу, кого расстрелять.

Запись Кожевникова в октябре 1922 года: “В воскресенье, 29-го, врачи были у Каменева, где видели еще Сталина и Зиновьева. Каменев сообщил, что на последнем заседании Совнаркома Владимир Ильич критиковал один из пунктов законопроекта, затем не заметил, что перевернулась страница, и вторично стал читать, но уже другой пункт, снова стал его критиковать, не заметив, что содержание этого пункта было совершенно иное”.

А вот запись о посещении вождя шестью невропатологами и психиатрами 21 марта 1923 г., т.е. две недели спустя после третьего приступа: “Сначала вошли Кожевников с Ферстером и предупредили Ильича, что приехали еще врачи по просьбе его друзей и просят, чтобы Владимир Ильич разрешил им войти. Хотя Владимир Ильич уже был предупрежден об этом приезде и Надеждой Константиновной и т.Обухом, тем не менее заявление это было принято им крайне недружелюбно. Он пытался что-то сказать, но ничего из этого не вышло, и на повторный вопрос — можно ли им войти — отрицательно качал головой. Тогда вошел т.Обух и категорически заявил, что врачи приехали, надо им посмотреть Владимира Ильича, и тогда были приглашены проф. Штрюмпель, Геншен, Бумке и Нонне”.

М.Ульянова свидетельствовала, что 16 декабря 1922 г., за неделю до того дня, как вождь начал диктовать свое знаменитое “Завещание”, он слег в постель и “просил передать Сталину, что выступать на съезде не будет. Невозможность выступить на съезде очень тяжело повлияла на Владимира Ильича, и он, несмотря на свою исключительную выдержку, не мог сдерживать горьких рыданий”.

И в подобном состоянии депрессии и навязчивых идей Ленин диктовал характеристики ближайшим соратникам, подготавливая почву для их последующих кровавых разборок!